

была принята в труппу Большого театра.

Впервые на сцене нашего театра я увидела ее в па-де-де принцессы Флорины и Голубой птицы в «Спящей красавице». Впечатления были разнообразны: талант бесспорно раскрылся и возрос, но со стороны технической у меня появилось немало претензий — недостаточно «вопитанные» ноги, угловатые, без необходимого плавного рисунка руки, несобранный корпус — все выглядело до обидного неожиданно в обладательнице таких исключительных природных данных, как Бессмертнова.

Валерина, даже самая заслуженная, до завершения своей сценической деятельности непременно занимается под руководством педагога. Ведь нужно изо дня в день «вырабатывать» крепость ног, отточенность линий, отшлифованность танцевальной формы — придавать подлинно профессиональный блеск уникальному природному материалу, чтобы подающая надежды девочка не осталась и впредь только подающей надежды, а стала мастером.

Что касается бессмертной Жизели, мне думается, что перед нами пример удивительно счастливого совпадения индивидуальных данных, актерской «фактуры» с ролью. В самом деле, когда это художавое существо, с печальным взглядом огромных темных глаз, с одухотворенным лицом, появляется на сцене, прежде всего пленяет совпадение облика исполнительницы с нашими представлениями о героине балета Готье—Перро.

Казалось, что Жизель — только начало серьезной работы над обширным классическим репертуаром, над великим балетным наследием. Однако судьба Бессмертновой сложилась несколько иначе. Мы не увидели ее больше ни в одной серьезной партии классического балета, зато познакомились недавно с ее восточными героинями — Лейли и Ширин.

Нельзя сказать, что труд, затраченный на подготовку этих партий, прошел бесследно. Нет, пребывание Бессмертновой на сцене в «Лейли и Меджнун» и в «Легенде о любви» трогает. Обе роли по своей экспрессии, по своим внутренним состояниям, даже по деталям сюжета смыкаются, позволяют провести довольно близкие параллели. И обе они выглядят у Наташи волнующе-выразительными и очень «ориентальными». Но опять-таки профессиональный уровень и этих дебютов мог бы быть значительно выше.

Это необходимо осознать, потому что в нашем искусстве, быть может, как ни в одном другом, дорого время. Упустишь год-два, а там ничем не возместить и не наверстаешь. Сейчас в связи с намерением театра поручить Наталье Бессмертновой главную партию в «Лебедином озере» (могу только приветствовать это намерение) нужна совершенно особенная, умная, вдумчивая, настойчивая работа, надо очень обдуманно выбрать педагога-репетитора, который помог бы ей приобрести настоящий сценический апломб и ту физическую выносливость, тот «балеринский» накал, который нужен, чтобы провести на достойном уровне многоактный спектакль.

Ведь с большого таланта и спросится много. А Наташа — талант большой, в театре ей открыта «зеленая улица». И от души ей желаю долгого и счастливого сценического пути.

Вечерняя Москва, 1965, 27 ноября

Кому многое дано...

Суламифь МЕССЕРЕР,

народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии

МНЕ КАЖЕТСЯ, что школа чувствует, как, в каком направлении развивается ребенок. Так, с моей точки зрения, в 1961 году на торжественном выпускном концерте хореографического училища очень правильно выбрали репертуар. (Повелительницу дриад из «Дон-Кихота», «Этиод» Листа), для того, чтобы продемонстрировать лирический талант Наташи Бессмертновой, отлично воспитанной школой.

Сейчас о ней много говорят и пишут, и, казалось бы, известность уже обязывает называть ее полным именем. Но для меня, на глазах которой выросла эта девочка, она осталась Наташей, какой я

помню ее со времен школы. Помню, как танцевала она Снежинку в «Щелкунчике», длинноногая и стройная, как газель. А была она настолько хрупка, что казалось, будто «сама собой» взлетает в воздух и что она может физически не выдержать нагрузки. Но, к моей радости, она необычайно восприимчиво, музыкально уловила все желания и объяснения, поняла, что от нее хотят, и выполнила все сценические задания.

То была моя последняя встреча с Наташей-школьницей. Потом я уехала на два года в Японию, а когда вернулась, Бессмертнова уже закончила свое образование и

Кому многое дано...

Суламифь МЕССЕРЕР,

народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии

МНЕ КАЖЕТСЯ, что школа чувствует, как, в каком направлении развивается ребенок. Так, с моей точки зрения, в 1961 году на торжественном выпускном концерте хореографического училища очень правильно выбрали репертуар. (Повелительницу драид из «Дон-Кихота», «Этюд» Листа), для того, чтобы продемонстрировать лирический талант Наташи Бессмертновой, отлично воспитанной школой.

Сейчас о ней много говорят и пишут, и, казалось бы, известность уже обязывает называть ее полным именем. Но для меня, на глазах которой выросла эта девочка, она осталась Наташей, какой я

помню ее со времен школы. Помню, как танцевала она Снежинку в «Щелкунчике», длинноногая и стройная, как газель. А была она настолько хрупка, что казалось, будто «сама собой» взлетает в воздух и что она может физически не выдержать нагрузки. Но, к моей радости, она необычайно восприимчиво, музыкально уловила все желания и объяснения, поняла, что от нее хотят, и выполнила все сценические задания.

То была моя последняя встреча с Наташей-школьницей. Потом я уехала на два года в Японию, а когда вернулась, Бессмертнова уже закончила свое образование и

была принята в группу Большого театра.)

Впервые на сцене нашего театра я увидела ее в па-де-де принцессы Флорины и Голубой птицы в «Спящей красавице». Впечатления были разнообразны: галант бесспорно раскрылся и возрос, но со стороны технической у меня появилось немало претензий — недостаточно «воспитанные» ноги, угловатые, без необходимого плавного рисунка руки, несобранный корпус — все выглядело до обидного неожиданно в обладательнице таких исключительных природных данных, как Бессмертнова.

Балерина, даже самая заслуженная, до завершения своей сценической деятельности непременно занимается под руководством педагога. Ведь нужно изо дня в день «вырабатывать» крепость ног, отточенность линий, отшлифованность танцевальной формы — придавать подлинно профессиональный блеск уникальному природному материалу, чтобы подающая надежды девочка не осталась и впредь только подающей надежды, а стала мастером.

Что касается бессмертновской Жизель, мне думается, что перед вами пример удивительно счастливого совпадения индивидуальных данных, актерской «фактуры» с ролью. В самом деле, когда это худощавое существо, с печальным взглядом огромных темных глаз, с одухотворенным лицом, появляется на сцене, прежде всего пленяет совпадение облика исполнительницы с вашими представлениями о героине балета Готье—Перро.

Казалось, что Жизель — только начало серьезной работы над обширным классическим репертуаром, над великим балетным наследием. Однако судьба Бессмертновой сложилась несколько иначе. Мы не увидели ее больше ни в одной серьезной партии классического балета, зато познакомились недавно с ее восточными героинями — Лейли и Ширин.

Нельзя сказать, что труд, затраченный на подготовку этих партий, прошел бесследно. Нет, пребывание Бессмертновой на сцене в «Лейли и Меджнун» и в «Легенде о любви» трогает. Обе роли по своей экспрессии, по своим внутренним состояниям, даже по деталям сюжета смыкаются, позволяют провести довольно близкие параллели. И обе они выглядят у Наташи волнующе-выразительными и очень «ориентальными». Но опять-таки профессиональный уровень и этих дебютов мог бы быть значительно выше.

Это необходимо осознать, потому что в нашем искусстве, быть может, как ни в одном другом, дорого время. Упустишь год-два, а там ничем не возместишь и не наверстаешь. Сейчас в связи с намерением театра поручить Наталье Бессмертновой главную партию в «Лебедином озере» (могу только приветствовать это намерение) нужна совершенно особенная, умная, вдумчивая, настойчивая работа, надо очень обдуманно выбрать педагога-репетитора, который помог бы ей приобрести настоящий сценический апломб и ту физическую выносливость, тот «балеринский» накал, который нужен, чтобы провести на достойном уровне многоактный спектакль.

Ведь с большого таланта и спросится много. А Наташа — талант большой, в театре ей открыта «зеленая улица». И от души ей желаю долгого и счастливого сценического пути.